

ХРОНИКА

Шестидесятилетие академика Василия Васильевича Струве

Когда в мае 1928 г. на заседании Ученого совета Ленинградского государственного университета происходила защита диссертации Василия Васильевича Струве, один из его официальных оппонентов проф. Е. Г. Кагаров огласил адресованное ему письмо покойного академика Б. А. Тураева, которое он бережно хранил около двух десятков лет. В этом письме Б. А. Тураев сообщает, что среди его учеников особенно выделяется студент В. В. Струве, проявляющий педагогические способности и подающий большие надежды.

Прогноз академика Тураева оказался верным. Еще при жизни своего учителя В. В. Струве проявил себя как талантливый исследователь прошлого восточных народов. Он в совершенстве овладел древнеегипетским, древнееврейским и коптским языками. В дальнейшем он уделяет много времени изучению ассиро-вавилонской, персидской и хеттской клинописи и достигает больших успехов и в этой области. Прекрасное знание классических языков, заметное уже в первых работах В. В. Струве, также в немалой степени способствовало овладению первоисточниками по истории Египта и других восточных стран, среди которых видное место занимают авторы, писавшие на латинском и, особенно, древнегреческом языке, не говоря уже о многочисленных греческих папирусах, содержа-

щих драгоценные сведения об эллинистической и римской эпохе. Таким образом, В. В. Струве, уже приступая к своим первым самостоятельным исследованиям, имел солидную филологическую подготовку, необходимую для историка древнего Востока.

Первая печатная работа В. В. Струве, очень скромная по своим размерам (всего 4 странички), была посвящена одному из коптских папирусов, предоставленному ему для изучения его учителем Б. А. Тураевым. На следующий год он опубликовал более обширную работу, посвященную двум замечательным египетским статуям из сиенского гранита, привезенным в Россию в 1832 г. и украшающим набережную Невы («Петербургские сфинксы»). В этой статье он специально останавливается на переводе и объяснении покрывающих их надписей, дающих возможность датировать их временем Аменхотепа III (1455—1419 до н. э.). Эти две ранние работы источниковедческого характера явились как бы первой пробой сил молодого ученого.

В. В. Струве выделялся среди учеников академика Тураева не только своими способностями, но и характером своих интересов. Академик Тураев, а вслед за ним и большинство его учеников, увлекаясь вопросами древневосточных религий, их связями с христианством и, в частности, с православием, отодвигали на второй план материалы по социально-экономической истории стран древнего Востока. В. В. Струве вразрез с интересами своего учителя уже в первых своих работах переходит к проблемам изучения экономики и социальных отношений. В 1913, 1915 и 1917 гг. он публикует три статьи, в которых на основании юридических документов дает блестящую характеристику социально-экономических отношений Птолемеевского Египта. В одной из этих работ («Право владения землями пахотными и виноградными в Птолемеевском Египте») В. В. Струве решился выступить против столпа дореволюционной русской науки М. И. Ростовцева, а также против известного немецкого папиролога У. Вилькена. В споре с этими «непререкаемыми» авторитетами молодой, начинающий ученый убедительно доказал, что частное землевладение в Птолемеевском Египте возникает одновременно в пределах садовых и пахотных земель.

Затем В. В. Струве посвящает две работы («Пребывание Израиля в Египте в свете исторической критики», Птгр., 1919, и «Израиль в Египте», Птгр., 1920) спорному и запутанному вопросу о переселении Израиля в Египет. Эти работы вызвали серьезные возражения, и самый факт пребывания израильтян в Египте подвергался сомнению, например, со стороны проф. А. Б. Рановича и др. Однако несомненным остается, что В. В. Струве мобилизовал весь доступный современной науке материал, широко привлек не только библейские, но и египетские источники и сделал целый ряд тонких и остроумных наблюдений. Уже во время этой работы В. В. Струве старался по возможности использовать и клинописные тексты.

Интерес к социально-экономическим проблемам заставляет В. В. Струве обратиться не только к изучению египетской истории, но и к историческим проблемам всего древнего Востока. Поэтому в последующие годы он все более и более переключается на изучение памятников Двуречья и, оставаясь в основном египтологом, в то же время проявляет себя и как ассириолог.

В 1921 г. он помещает в «Известиях РАИМК» небольшую статью под многообещающим заглавием «Сенаар и Египет». Читателя этого исследования всегда поражает обилие наблюдений и выводов, сосредоточенных на шести скромных страничках. В. В. Струве устанавливает сходные черты в культе шумерийского бога Энки и египетского бога Сокара (роль ладьи, украшенной изображением головы антилопы). Затем, переходя к анализу эрмитажного папируса 1116 А, recto, В. В. Струве находит в этом египетском литературном произведении намеки на миф, параллельный знаменитому вавилонскому мифу о борьбе Мардука с Тиама. Мимоходом В. В. Струве отмечает другие характерные черты в изучаемом памятнике: представление о добром пастыре, позднее столь часто встречающееся в Библии, и антропоцентричность мироздания, также находящую себе библейские аналогии.

В. В. Струве избегает изолированного изучения идеологии восточных стран, ищет общих явлений и при этом, в отличие от популярной в буржуазной науке теории заимствований, делает упор на «сходство условий», в которых развивались различные народы древнего Востока.

В другой своей работе, помещенной в следующем томе «Известий РАИМК» («К истории патесната Гишху»), В. В. Струве берет за разработку очень трудного вопроса хронологии Двуречья в эпоху III династии Ура и устанавливает на основании клинописных табличек собрания Ляхачева даты правления патеси города Гишху (Уммы.)

Из важнейших ранних работ В. В. Струве, опубликованных им за первые 15 лет научной деятельности, в достаточной мере видно, насколько широко затрагивает он самые различные проблемы, связанные с далеким прошлым Востока. Хронологически он охватывает восточные памятники от III тысячелетия до н. э. вплоть до греко-римской эпохи включительно (привлекая отчасти даже памятники средневековья). Он вовлекает в орбиту своего изучения и Египет, и Двуречье, и Палестину. Экономика, юридические нормы, история культуры, вопросы хронологии — все это находит свое место на страницах его работ. Он избегает какого-либо ограничения своей тематики, стремясь охватить все стороны жизни древневосточных стран.

Однако одна проблема привлекает особенно его внимание и на некоторое время оказывается в центре его научно-исследовательской работы — изучение труда Манефона. Уже в своем исследовании «Израиль в Египте» В. В. Струве коснулся домыслов Манефона и установил, что по данному вопросу они оказались [произвольными и противоречивыми. В дальнейшем В. В. Струве подвергает проверке труд Манефона в целом и, продолжая вскрывать некоторые ошибки, в которых часто повинны позднейшие интерполяторы, находит наряду с этим целый ряд ценных сведений, особенно хронологических, которые не были оценены по достоинству современными буржуазными историками — Эд. Мейером, Д. Г. Брестедом и другими. Если для воссоздания хронологии Древнего царства Манефона использовать нельзя (он дает преувеличенные цифры для каждой династии), то, начиная со времени Среднего царства, эллинизированный египетский жрец сохранил точные сведения, почерпнутые из египетских источников, недоступных до него грекам. Произвольные выкладки Брестеда и Эд. Мейера оказываются излишними. Пренебрегаемый ими Манефон дает нам возможность гораздо точнее воссоздать хронологическую канву Среднего и Нового царства и последующих периодов.)

В результате упорного многолетнего труда В. В. Струве подготовил интересную диссертацию, посвященную всестороннему разбору царских списков Манефона, которую он с успехом защитил в мае 1928 г. Официальные оппоненты проф. И. Г. Франк-Каменецкий и проф. Е. Г. Кагаров дали высокую оценку научно-исследовательской деятельности В. В. Струве в целом и его диссертации в частности. Подводя итоги своего исследования, В. В. Струве отметил следующие методы работы, которых он придерживался: 1. Все филологические и лингвистические вопросы, стоящие в связи с изучением исторического труда Манефона, решались автором не изолированно, а в связи с общим комплексом вопросов, которые ставят изучение крупного исторического памятника. 2. Дошедший до нас текст Манефона сопоставлялся со свидетельствами современных памятников не отдельными вырванными из общего контекста частями, а во всем объеме, с полным учетом всех особенностей контекста.

Основные выводы автора были сформулированы в следующих тезисах:

1. Антииудаистические выпады, которые содержат некоторые из эксперитов, приписываемых перу Манефона, писателя эпохи раннего эллинизма, резко противоречат общему иудеофильскому настроению этой эпохи. Поэтому является вероятным предположение, что эти экспериты, со столь «несовременными» антииудаистическими выпадами, приписываемые Манефону, в действительности не принадлежат ему, а являются позднейшими вставками.
2. Севеннитский ном, родина Манефона, был географически и политически тесно связан с северо-восточными номами Дельты и культурно был связан с Эфиопией. Ввиду этого мы можем предположить в труде Манефона наличие симпатий и к северо-восточным номам Дельты и к Эфиопии.
3. Манефон родился в Севеннитском номе, но не в его главном городе Севенните, а в *Diospolis inferior*, в семье иерограмматов.

4. Манефон родился в эпоху XXX династии и был деятелем царствований Александра Македонского и Птолемея I.

5. Манефон, будучи писателем позднесаясской эпохи, мог еще знать прошлое своего народа, ибо ни персидское, ни македонское завоевания не уничтожили традиции древней сакральной культуры страны.

6. Царь Менофес, при котором, согласно Феону, в 1322 г. совпали год гражданский и год Сириуса, был не кем иным, как знаменитым царем Сети I — Менофес. Названное свидетельство Феона восходит к Манефону.

7. Знаменитая Таинская стела 400 г. стоит в связи с календарной реформой, имевшей место в эпоху гиксосского завоевания. Позднееллинистические свидетельства об этой реформе восходят в конечном итоге к Манефону.

8. Храмовые и гробничные царские списки (Карнакский, Абидосский, Саккарский) являются списками случайных царских жертвователей данного храма или некрополя. Царский Туринский папирус является кошей, сделанной частным лицом, царского канона одной из храмовых библиотек. Царские списки Манефона восходят к анналам Саясской эпохи.

9. В греческой передаче Манефоном египетских собственных имен можно видеть следы языка образованных слоев.

10. Традиция Манефона является ценной и для нашего знания древних царских имен и для нашего знания порядка следования царей.

11. Хронологическая схема Манефона распределяет события египетской истории в пределах 2 периодов эры Сотиса с добавлением 990 лет.

12. Хронология Манефона Нового царства исправляет в ряде существенных пунктов хронологические построения современных исследователей.

К сожалению, исследование В. В. Струве, посвященное Манефону, о котором дают общее представление вышеприведенные тезисы, до сих пор полностью не было напечатано. Лишь две первые главы его были помещены в «Записках коллегии востоковедов» (за 1928 и 1930 гг.) и отдельные отрывки — в других изданиях.

Углубляясь в изучение различных исторических проблем древнего Востока в целом, В. В. Струве неизбежно подходит к решению важнейшей задачи советской историографии — к решению вопроса о социально-экономической формации древнего Востока. Мы видели, что интерес к подобным проблемам намечался уже у молодого исследователя в начале его научно-исследовательской деятельности еще до 1917 года. Однако только после Великой Октябрьской социалистической революции, когда в советскую историографию все больше проникал и утверждался метод марксистско-ленинской диалектики, В. В. Струве смог по-новому подойти к основной проблеме, стоявшей перед советскими востоковедами.

В 1930 г. начинается новый этап его научно-исследовательской работы. Он отдает все свои силы изучению социально-экономической структуры древнего Востока и становится на единственно правильный путь разрешения основной проблемы истории восточных стран, применяя к конкретному материалу принципы марксистско-ленинской диалектики.

В. В. Струве самым тщательным образом собирает и изучает все высказывания Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина о социально-экономических формациях и в свете этих указаний по-иному оценивает давно знакомые факты и явления, замечая те черты, на которые ни он, ни другие востоковеды прежде не обращали внимания. Дело не обошлось на первых порах без ошибок. Надо иметь в виду, что в буржуазной науке господствовало представление о феодальном характере древневосточных обществ, и под влиянием иностранных авторитетов вроде Эд. Мейера многие советские ученые не могли себе представить Египет и Вавилон иначе как феодальные государства. В противовес этим общепринятым взглядам была выдвинута теория особой азиатской формации, возможной лишь в специфических условиях Востока, следовательно, отнюдь не универсальной.

В. В. Струве отдал в свое время дань и той и другой теории, которые господствовали в советском востоковедении, но вскоре систематическое и творческое освоение трудов основоположников марксизма помогло ему встать на правильный путь. Он пришел к

мысли, что первой формой классового общества могло быть только рабовладельческое общество и что между древневосточным и античным миром не было качественного различия, они представляли собой лишь различные типы рабовладельческих обществ (на Востоке были примитивные рабовладельческие государства, в Греции и Риме — развитые). Египетское, вавилонское, хеттское и другие восточные государства являлись раннеклассовыми, примитивно-рабовладельческими, со значительными пережитками первобытно-общинного строя. Всякое иное понимание далекого прошлого Востока неизбежно должно было привести всякого исследователя к переходу на позиции буржуазного циклизма, к капитуляции перед реакционными теориями буржуазных ученых. Изучение подлинных клинописных и иероглифических документов приносило все новые и новые подтверждения марксистско-ленинского понимания первых стадий развития общества.

Но прежде чем это единственно научное понимание утвердилось, В. В. Струве пришлось выдержать упорную и длительную борьбу. Сила косной традиции была велика, и многие советские исследователи упорно цеплялись за «феодальную догму». Однако В. В. Струве, возглавивший наиболее передовых историков Востока, привлекал все новые и новые факты, доказывающие рабовладельческий характер древневосточного общества. В своей статье «Рабовладельческая латифундия в Сумире III дин. Ура» он установил значительную роль рабского труда по сравнению с наемным и полное отсутствие труда крепостных. Эти выводы были сделаны на основании детального анализа подсчетов древних писцов южного Двуречья.

В 1934 г. он выступает в ГАИМК с докладом на тему «Проблема зарождения, развития и разложения обществ древнего Востока», напечатанным в 77 выпуске «Известий ГАИМК». В том же году выходит его брошюра «Очерки социально-экономической истории древнего Востока», посвященная анализу социальных отношений в южном Двуречье и Хеттском царстве, а затем краткий курс истории древнего Востока, в котором дается характеристика основных этапов развития различных восточных стран в эпоху рабовладения.

Отдельным наиболее ярким моментом социальной истории Востока В. В. Струве посвящает специальные исследования. Так, в своей брошюре «Реченье Ипувера» (1935 г.) он дает блестящий анализ восстания бедняков и рабов в Египте, описанного в Лейденском папирусе № 344, и относит это событие (вопреки теориям Эрмана и Морэ) к концу Среднего царства.

Несколько работ В. В. Струве посвящает характеристике хеттского общества. В статье «Параграф 34 и 36 хеттского судебного кодекса» (ВДИ, 1937, № 1) выявляются жестокие формы угнетения рабов в Малой Азии еще во II тысячелетии до н. э. Продолжением этой работы служит статья «О «гуманности» хеттских законов», в которой подвергаются полному разгрому расистские теории Эд. Мейера о человеколюбии «индогерманского хеттского народа» в отличие от семитов-вавилонян. В. В. Струве вскрывает классовые принципы хеттского законодательства, милостивого к свободным и беспощадного к рабам.

В. В. Струве систематически избегает проторенных путей и всегда стремится к самой тщательной проверке гипотез, отстаиваемых выдающимися египтологами капиталистических стран. В работе «К вопросу о Тутмосидах» (в сборнике в честь Н. И. Кареева, 1923 г.) В. В. Струве вступает в решительную борьбу с корифеем немецкой египтологии К. Зете и крупнейшим американским египтологом Д. Г. Брестедом. К. Зете попытался обосновать свою теорию о Тутмосидах, по которой Тутмос III превратился в брата Тутмоса II и вступал на престол два раза, сперва отстранив своего отца Тутмоса I, затем, будучи вынужденным вернуть ему власть после смерти обоих своих тезок (отца — Тутмоса I и брата — Тутмоса II), опять провозглашался фараоном совместно с Хатшепсут. Под впечатлением от этой работы Зете, основанной на умствованиях, большинство египтологов (в первую очередь Брестед) стали говорить о новой главе, вписанной в египетскую историю. В. В. Струве показал, что все построение Зете и Брестеда является совершенно искусственным, основанным на произвольном толковании выражений, которые приобретают совсем иной смысл, если их не подгонять к готовой схеме, созданной заранее немецким египтологом.

Другим вопросом, по которому В. В. Струве разошелся с общепризнанными взгляда-

ми, был вопрос о характере одного из важнейших памятников социально-экономической истории Египта — большого папируса Гаррис. В. В. Струве в двух своих работах¹ опровергает точку зрения главы немецкой египтологической школы Адольфа Эрмана, считавшего данный документ заупокойным текстом. В. В. Струве удалось доказать, что большой папирус Гаррис является манифестом, оглашенным от имени фараона Рамсеса IV (по прежней нумерации III) его сыном и преемником Рамсесом V. Этот манифест, как выяснил В. В. Струве, хранился ряд лет в дарском архиве (во дворце в Мединет-Абу) и лишь позднее оказался в тайнике, где он был найден местными жителями и попал в частную коллекцию Гарриса, а позднее в Британский музей.

Все эти наблюдения и открытия, сделанные в многочисленных статьях, разбросанных в различных изданиях, были впоследствии сконцентрированы в обобщающем труде В. В. Струве, учебном пособии для вузов «История древнего Востока». Первое издание этой книги (1936 г.) вызвало оживленную полемику и немало критических замечаний по отдельным вопросам, хотя основной тезис автора о рабовладельческом характере древневосточного общества уже не вызывал серьезных возражений, как за три года до того. Второе издание этого пособия, вышедшее в 1941 г., значительно переработано. Отдельные неточности и спорные формулировки, вызывавшие возражения критиков, были устранимы. Рецензент нового издания проф. А. Б. Ранович признал, что настоящий труд акад. В. В. Струве означает серьезный шаг вперед, что «в основу изложения истории древнего Востока в книге акад. В. В. Струве положено марксистско-ленинское учение об общественно-экономических формациях», отбрасываются антинаучные теории и «благодаря этому история древнего Востока превращается из случайного сцепления фактов, каким она является в трудах буржуазных ученых, в осмысленный, закономерный исторический процесс!» (ВДИ, 1946, № 1, стр. 178).

Ко времени появления второго издания «Истории древнего Востока» теория «вечного феодализма» на Востоке была уже окончательно ликвидирована в советской науке.

* * *

Во всех своих работах В. В. Струве всегда исходит из анализа текста, перевод которого он проверяет и уточняет. Знание древних языков и овладение методом переводовой советской лингвистики на основе учения академика Н. Я. Марра о языке — позволяют В. В. Струве давать точные и четкие переводы древневосточных, в первую очередь египетских, текстов. Не случайно поэтому, что В. В. Струве придает такое значение изданию первоклассных памятников советских коллекций, хранящихся в Гос. Эрмитаже в Ленинграде и Гос. музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина в Москве. Он обращает внимание на один из папирусов Московского музея изобразительных искусств — так называемый «Голенищевский папирус-словарик». Этот текст, выполненный весьма неразборчивыми иератическими письменами, требовал для своего освоения знания всех тонкостей египетской палеографии, большого терпения и творческой интуиции. В. В. Струве удалось разобрать значительную часть этого энциклопедического словаря (одного из самых древних в мире) и, что особенно важно, установить место его происхождения (Мемфис) и время составления (XII в. до н. э.). Особое внимание В. В. Струве обратил на список городов, на основании которого оказалось возможным установить пункт вторжения ливийцев в Египет в конце XIX династии (у поселения Иришепс). О своих наблюдениях и выводах В. В. Струве сделал доклад 17 августа 1922 г. на первом всероссийском съезде египтологов в Москве, посвященном 100-летию юбилею дешифровки иероглифов.

В связи с изучением этого вопроса В. В. Струве вплотную подошел к очень важной проблеме о культурных взаимоотношениях египтян и семитических народов. В Голенищевском словаре он нашел множество семитических слов, влившихся в египетский язык в период XIX—XX династий, и само составление этого справочника объяснялось желанием ознакомить читателей с новыми терминами. Однако происходило и обратное влияние, на которое он обращает внимание в небольшой книжке «Происхождение алфавита»

¹ «Наблюдения над большим папирусом Гаррис», ЗВК, 1925; 1926, № 1—2.

1923 г.). Путем длительного и тщательного анализа ему удается установить, что финикийский алфавит не имеет ничего общего с клинописью, но обнаруживает много сходных черт с 24 египетскими знаками, передающими отдельные звуки. У египтян они не играли самостоятельной роли, но употреблялись в комбинации со слоговыми знаками и идеограммами. Финикийцы отбросили весь этот балласт и сохранили только небольшое число алфавитных знаков. Промежуточным звеном, связывающим египетскую и финикийскую письменность, являются надписи, найденные на Синайском полуострове.

В 1925 г. он публикует исследование, посвященное Эрмитажному папирусу 1116 В. гесто (Пророчество Нофрреху), содержащему интереснейшие данные, важные для социальной истории Египта. Сопоставляя их с фактами, почерпнутыми из других источников, В. В. Струве прослеживает изменяющееся на протяжении веков положение группы недесов («маленьких»), сперва слабой и угнетаемой, а затем выдвинувшейся и вступившей в борьбу со знатью.

Следующей серьезной задачей, которую поставил перед собой и выполнил В. В. Струве, было изучение и издание Московского математического папируса — драгоценного для истории мировой культуры документа, хранящегося в Гос. музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Еще акад. Б. А. Тураев заинтересовался этим памятником и дал предварительную транскрипцию большей части его. В. В. Струве продолжил и завершил работу своего учителя. Он не ограничился полной транскрипцией и переводом нератического текста, но дал подробный и тщательный анализ каждой задачи. Благодаря этому исследованию стало ясно, что математические познания древних египтян были гораздо выше, чем обыкновенно считают. Так, например, отношение окружности к диаметру они изчисляли сравнительно точно (3, 16, то-есть с ошибкой всего в две сотых). Решали задачу о поверхности шара, вычисляли объем усеченной пирамиды и т. п.

Кроме того, В. В. Струве использовал математический папирус как источник по изучению экономики и быта древнего Египта. На основании некоторых арифметических задач он установил соотношение ценности двух основных для Египта злаков — ячменя и эммера, проследил процесс изготовления пива из смеси полбы и фиников, его крепость по сравнению с ячменным пивом, изготовление суррогатных алкогольных напитков и т. д. Для разрешения этих вопросов пришлось привлечь обширный параллельный материал и сделать значительные филологические и исторические экскурсии. Так, В. В. Струве удалось дать более точное определение египетского слова *bš'*, которое переводилось то как «смоква» (Эрман), то как «ячмень» (Монтэ). Он выяснил, что *bš'* является одним из видов пшеницы, скорее всего полбой. Другим вопросом, который невозможно было обойти, был вопрос о влиянии шумерского и вавилонского хозяйства на Египет. В. В. Струве, стоя на базе яфетидологии, дал решительный отпор теории Б. Грозного, преувеличивающего экономическую и культурную роль Двуречья.

Умелое применение принципов передовой советской лингвистики для разрешения историко-литературных проблем можно наблюдать в последующих работах В. В. Струве, например, в статье «Иштар-Исольда» в древневосточной мифологии» и особенно в исследовании «Эпос Гомера и круг сказаний о царе Пегубастисе». В. В. Струве решительно выступает против злоупотребления теорией заимствований популярных сюжетов. Он доказывает произвольность сопоставлений египетского эпоса о междоусобных войнах князей Дельты с Библией и «Илиадой», которые делает немецкий египтолог Шпигельберг. На целом ряде убедительных примеров В. В. Струве показывает, что поединки издавна описывались в египетской художественной литературе, задолго до знакомства с греками и греческой поэзией и в заключение призывает искать причину сходства фольклорных сюжетов «не во влиянии греческого эпоса, а в одинаковых социальных условиях»¹.

В последние годы В. В. Струве уделяет особое внимание истории древнего Ирана. В своих исследованиях, посвященных далекому прошлому Ирана, он стремится связать проблемы истории древнего Востока с историей нашей родины, в частности вскрывает значительную роль народов Средней Азии в социальных движениях и культурном развитии державы Ахеменидов.

¹ Язык и литература, 1929, IV, стр. 122.

В статье «Поход Дария I на саков-массагетов» В. В. Струве выступает против традиционного взгляда на Бехистунскую надпись в той ее части, где речь идет о походе Дария I на европейских скифов, о котором рассказывает Геродот. В. В. Струве благодаря тщательному анализу и глубокой интерпретации спорного места вскрыл полную ошибочность этих общепринятых домыслов. Он установил, что гораздо ближе к истине был русский востоковед В. В. Григорьев, который еще в 1871 г. сопоставил V столбец Бехистунской надписи с повествованием позднего классического автора Полизна о подвиге сакского табунщика Спрака, и на этом основании высказал предположение, что в Бехистунской надписи речь идет о саках Средней Азии. Работа В. В. Григорьева в свое время осталась незамеченной, и западноевропейские иранисты совершенно игнорировали ее. В. В. Струве впервые отдал должное пронизательной интуиции незаслуженно забытого русского ученого прошлого века и подробно развил и обосновал его точку зрения, внося, конечно, исправления и уточнения в соответствии с уровнем современной науки. В. В. Струве установил, что саки, против которых выступил Дарий I в 517 г., жили на восток от Аральского моря, что они тождественны тем массагетам, в борьбе с которыми погиб Кир, что Дарий восстановил мост, наведенный в свое время Киром, переправился через Аму-Дарью и вторгся в глубь Средней Азии. В связи с этим В. В. Струве вносит корректив и к обычному толкованию Накширустамской надписи. «Саки, которые за морем», упомянутые в ней, оказываются опять-таки среднеазиатскими саками, живущими за Аральским морем, а не скифами, обитающими за Черным морем. К утверждению Бехистунской надписи о полном успехе Дария I В. В. Струве относится критически. «Поход был далеко не столь благополучным, как представляла официальная версия». Упорная борьба саков за свою независимость нашла свое отражение в их эпосе, отрывки которого сохранены для нас Полиэном.

Взаимоотношения Ирана и Средней Азии прослеживаются также в двух статьях В. В. Струве, выявляющих развитие древнеперсидской религии («Надпись Ксеркса о дэвах и религия персов», «Родина зороастризма»). В. В. Струве самым решительным образом критикует шаблонную точку зрения, распространившуюся в последние два десятилетия, согласно которой родиной зороастризма является западный Иран и Ахемениды считаются последователями Заратуштры. Вновь открытая надпись Ксеркса о «дэвах» при поверхностном изучении как будто бы подтверждает общепринятые в буржуазной литературе взгляды. Однако более углубленный анализ этого документа, проведенный В. В. Струве, показывает, что там, где постулируется тождество религиозной реформы Ксеркса с зороастрийскими нововведениями, на самом деле следует усматривать лишь параллельные явления. Разрушение храмов дэвов, произведенное Ксерксом, свидетельствует о централизации религиозного культа и напоминает аналогичные мероприятия самозванца Гауматы, направленные против племенных богов. «Эти реформы, несомненно, перекликаются с зороастризмом, объявившим даива злыми повелителями мира». В религии Ахеменидов и в Авесте, безусловно, имеется целый ряд общих черт (почитание Ахурамазды, ненависть к дэвам, близость ритуала, один и тот же календарь, восходящий к египетскому¹). Однако имелись и различия в религиозной терминологии (например, в обозначении жрецов) и в способе погребения. Но самое главное различие заключалось в том, что «религиозная концепция, завершенная Ксерксом, заменяла Заратуштру царем в религиозном объединении всех персов». Личность царя заменяла Заратуштру, и поэтому знаменитый пророк ни разу не упоминается в надписях Дария I и Ксеркса и, в свою очередь, в Авесте ни слова не говорится об Ахеменидах.

Социальная база религиозных движений в западном и восточном Иране была различной. Религия магов, которую восприняли позднее Ахемениды, отражала интересы рабовладельческой знати. Напротив, в религии Заратуштры может быть установлена сильная народная тенденция. Вполне возможно, что крупное народное движение в Маргиане (соврем. Мары), жестоко подавленное по приказу Дария I, вспыхнуло под воздействием зороастризма. Протест Заратуштры против жертвоприношения крупного рогатого скота отражает экономические интересы оседлых скотоводов Ирана, которые не могли одоб-

¹ Календарная реформа была проведена в Персии в 484 г. до н. э.

рять грандиозные гекатомбы, совершаемые Ахеменидами и подрывавшие скотоводческое хозяйство.

Все эти выводы приводят к значительной переоценке сообщений Геродота о Персии и персах. Умолчание «отца истории» о Заратуштре становится теперь вполне понятным. Его данные о персидской религии вполне согласуются с памятниками Ахеменидов. В. В. Струве считает, что даже эпизоды, считавшиеся произвольными домыслами греческого автора (спор трех персов о способах правления, культ женского божества — Митры), на самом деле свидетельствуют о его значительной осведомленности. Таким образом, В. В. Струве реабилитирует Геродота и защищает его от необоснованных нападок в еще большей степени, чем это делал в свое время Ф. Г. Мищенко.

Подводя итоги, мы можем сказать, что за 37 лет своей творческой деятельности В. В. поставил и разрешил целый ряд самых разнообразных научных проблем. В значительной степени его заслугой является преодоление вредных влияний буржуазной исторической науки, в особенности реакционной теории циклизма. В. В. Струве не останавливался перед решительной борьбой с крупнейшими авторитетами буржуазной западноевропейской и американской науки (Эд. Мейером, Зете, Брестедом, Олбрайтом и др.) и опроверг немало их ложных выводов. В. В. Струве всегда выступал против не критического усвоения выводов зарубежной науки, и, как мы видели, уже в самых ранних своих работах проявлял свою точку зрения, не останавливаясь перед полемикой с «иностранными светилами». Всей своей деятельностью он поддерживал высокий авторитет советской науки.

В то же время В. В. Струве не замыкается в своей научной деятельности и не забывает о событиях, происходящих за стенами его кабинета. В. В. Струве откликается горячо на все события, волнующие советский народ. Когда в 1936 г. была обнародована Сталинская конституция, он отметил этот исключительно важный этап в жизни нашей страны в статье «Маяк мировой революции» (ВАН СССР, 1936, № 10). Он выступает с речью на сессии Союза советских писателей, посвященной юбилею гениального грузинского поэта Шота Руставели. Он ведет беспощадную борьбу с расистскими измышлениями фашистских лжеученых (статьи и брошюры, разоблачающие антисемитизм, исследование «Арийская проблема» и т. д.).

Несмотря на огромную научно-исследовательскую работу, В. В. Струве непрерывно, в течение всей своей плодотворной деятельности, ведет и широкую педагогическую работу в Ленинградском гос. ордена Ленина университете, которому присвоено имя А. А. Жданова, и в Педагогическом институте им. А. И. Герцена. Сотни студентов прослушали его содержательные и глубоко научные лекции, многие тысячи учащихся вузов Советского Союза изучают историю древнего Востока по его учебному пособию, которое было переведено на языки народов нашего Союза (грузинский и армянский). Под руководством В. В. Струве ведется систематическая подготовка кадров специалистов по языкам и истории древнего Востока, создана целая школа востоковедов, большинство которых являются учениками В. В. Струве.

Трудно в небольшой статье охватить всю разностороннюю и многогранную научную и общественную деятельность выдающегося советского ученого. Показанные выше основные этапы его творческого пути свидетельствуют о его неустанной деятельности на культурном фронте нашей страны, строящей коммунизм.

В 1935 г. Академия Наук СССР отметила его научные заслуги, В. В. Струве был избран действительным членом Академии Наук. Он становится директором Института востоковедения Академии Наук СССР. В 1945 г. Правительство наградило академика В. В. Струве орденом Ленина. Своей исследовательской и организационной работой в высшем научном учреждении нашей Родины и научно-педагогической работой в вузах Василий Васильевич Струве заслужил любовь и уважение своих сотрудников, учеников и учащейся молодежи нашей страны.

Д. Редер и Р. Рубинштейн

Список печатных трудов академика Василия Васильевича Струве¹.

- 1912 год. Коптский папирус из коллекции проф. Тураева, «Х. Вост.», I, вып. 2, СПб., стр. 207—211.
- 1913 год. Петербургские сфинксы, ЗВОРАО, VII, стр. 20—51.
К истории 'Απόκρια, ЖМНП, нов. серия, дек., ч. 48, стр. 419—511.
- 1914 год. Египет при Птолемах, НЭС, XVII, стб. 348—353.
- 1915 год. Право владения землями пахотными и виноградными в Птоломеевском Египте, ЖМНП, нов. серия, . 55, стр. 1—64.
Льготная Дашурская грамота царя Пиопи I (перевод). «Древний мир», часть I «Восток», под ред. Б. А. Тураева и И. Н. Бороздина, М., стр. 15—16.
- 1917 год. Развитие храмового иммунитета в Птоломеевском Египте, ЖМНП, нов. серия, ч. 70, июль — август, стр. 223—255.
- 1919 год. Заупокойный культ древнего Египта. Путеводитель по выставке в галлах Эрмитажа, Пгтр. Отд. по дел. муз. и охр. пам. иск. и старины, 46 стр.
Пребывавшие Израйля в Египте в свете исторической критики, Пгр. «Евр. ист. библи.», 30 стр.
- 1920 год. Израйль в Египте, «Культ.- ист. пам. древн. Востока», под ред. акад. Б. А. Тураева, вып. VI, Пгр., стр. 52.
Б. А. Тураев. Некролог, «Дела и дни», кн. I, стр. 606—609.
- 1921 год. Сенаар и Египет, ИРАИМК, I, № 23, стр. 251—256.
Эрмитажная стела Харемхеба, ЕРИИИ, I, вып. 2, Пгр., стр. 91—109.
Борис Александрович Тураев, некролог, «Наука и ее работники», № 4, стр. 41—44.
- 1922 год. Ефрем и Манассей, «Евр. мысль», Пгр., изд. «Сеятель», стр. 130—143.
Борис Александрович Тураев, некролог, «Анналы», № 1, стр. 149—154.
Франсуа Шапюльон. К столетнему юбилею дешифровки иероглифов, «Анналы», № 2, стр. 3—16.
- К истории патеснага Гишху, ИРАИМК, II, № 3, стр. 49—64.
- 1923 год. Происхождение алфавита, Пгр., изд. «Время», 64 стр.
К вопросу о Тутмосидах, «Из далекого и близкого прошлого», сб. этюдов из всеобщей истории в честь пятидесятилетия научной деятельности Н. И. Кареева, Пгр., М., изд. «Мысль», стр. 19—28.
Кеносаркофаг царицы Иах-хотен, «Сб. Гос. Эрмитажа», вып. 2, Пгр., стр. 17—25.
Новые открытия в царском некрополе Фив, «Восток», № 3, стр. 150—159.
- 1924 год. К истории пребывания Израйля в Египте, «Евр. старина», XI, стр. 45—64.
К дешифровке «синаяских надписей», там же, стр. 341—344.
Переворот в области хронологии Египта, «Анналы», № 4, стр. 333—334.
Предисловие и дополнения к кн. акад. Б. А. Тураева «Классический Восток» I, Л., (совместно с Н. Д. Флиттнер).
- 1925 год. Papyrus 1116 b. recto и пророческая литература древнего Египта, ЗКВ, I, стр. 209—227.
Наблюдения над большим папирусом Nagris, там же, стр. 435—454.
Лошадь в мистериях Осириса. ЯС, III, М.—Л., изд. Главнауки, стр. 71—74.
Рец.: Ф. В. Баллод, Очерки древнеегипетского искусства, М., Саратов, 186 стр., «Восток», № 5, стр. 264—265.
- 1926 год. Социальная проблема в заупокойном культе древнего Египта. Религия и общество, Л., изд. «Сеятель», стр. 5—28.
Диалог господина и раба о смысле жизни (по новому вавилонскому памятнику), там же, стр. 41—59.
К локализации страны Маган, ЯС, IV, изд. АН СССР, стр. 20—38.
Заметки к папирусам Эрмитажного собрания. «Сб. Гос. Эрмитажа», вып. 3, Л., стр. 1—7.

¹ В основу этого списка положены материалы, собранные Отделом сети-Фундаментальной библиотеки Академии Наук СССР.

К вопросу о локализации и датировке некоторых египетских памятников Эрмитажного собрания, там же, стр. 12—16.

Zur Geschichte der jüdischen Kolonie von Elephantine, ИАН СССР, 6-я серия, XX, № 5—6, стр. 445—454.

Ort der Herkunft und Zweck der Zusammenstellung des Grossen Papyrus Harris, «Aegyptus», Anno 7, № 1—2, стр. 3—40.

Egyptian sealing in the collection of the academician N. P. Likhacheff. Ancient Egypt, Dec., part 4, p. 116—119.

1927 год. Упоминание пудзев в ранней эллинистической литературе, ЗКВ, II., стр. 127—234.

По поводу статьи о папирусе 1116 в, там же, стр. 405—406.

Zum Namen des Königs Taltamon. ÄZ, т. 62, стр. 65—66.

Ein Aegypter, Schwiegersohn des Sanherib, там же, стр. 66.

1928 год. Манефон и его время, гл. I, ЗКВ, III, вып. I, стр. 109—185.

Zur Geschichte Aegyptens der Spätzeit, ИАН СССР, 7-я серия, Отд. гум. наук, стр. 196—212.

Die Ära από Μενόφρωνος und die XIX Dynastie Manethos, ÄZ, т. 68, стр. 45—50.

1929 год. Эпос Гомера и круг сказаний о царе Петубастисе, ЯЛ, IV, РАНИОН, стр. 111—122.

Die Kreisberechnung in der Mathematik der Hebräer, СЕК, II, стр. 1—3 (лтр.).

Ostrakon № 2973 der Staat. Ermitage (Aus der Sammlung von B. A. Turaeff), там же, III, стр. 28—31 (лтр.).

Der Inhalt des Märchens von verwünschten Prinzen, там же, стр. 32—33.

1930 год. Mathematischer Papyrus des staatlichen Museums der schönen Künste in Moskau. Hrs. und kom. von W. W. S t r u v e, Berl., стр. XII + 197, «Quellen und Studien zur Geschichte der Math.», hrs. O. Neugebauer, J. Stengel und O. Toeplitz. Abt. A, I. Манефон и его время. Гл. II — «Царские списки Манефона, сохранившиеся у Африкана и Евсевия», ЗКВ, IV, стр. 159—248.

Египетская задача в сочинении армянского математика VII в., ЯЛ, V, РАНИОН, стр. 29—32.

Das Volk der T ʔk ʔr. ЯС, VI, изд. АН СССР, стр. 94—99.

Ein Ritual-Hymnus aus der Erm. Sammlung, СЕК, IV, стр. 20—25 (лтр.).

Der König Ameni des Erm. Papyrus № 1116 b, СЕК, V, стр. 10—14 (лтр.).

Die Schreibpalette № 2372 der Ermit. Sammlung, СЕК, VI, стр. 17—20.

1932 год. Египет. Древняя история (до арабского завоевания), БСЭ, XXIV, стр. 356—371.

Иштарь Исьльда в древневосточной мифологии — Тристан и Исьльда, Л., АН СССР, стр. 49—70.

Эфиологическое письмо и египетский алфавит, ЯС, VII, стр. 111—114.

1933 год. Плебеи и илоты. ПИДФ, «Сб. статей к 45-летию научной деятельности Н. Я. Марра», М.—Л., Соцэкгиз, стр. 367—373.

1934 год. История древнего Востока. Краткий курс, М., Соцэкгиз, 131 стр.

Лекции по истории древнего Востока, вып. 1—3, ЛГУ, истфак, 125 стр. (за пр. рук.) стклгр.).

Очерки социально-экономической истории древнего Востока, М.—Л., ОГИЗ, 74 стр.; ИГАИМК, № 97.

Рабовладельческая латифундия в Сумере III днн. Ура (от XXIII в. до н. э.), «С. Ф. Ольденбургу к 50-летию научно-общественной деятельности», Л., АН СССР, 1933, стр. 495—501.

Проблема зарождения, развития и разложения обществ древнего Востока (доклад и заключительное слово), ИГАИМК, вып. 77, стр. 32—181.

Рудимент классового показателя в сумерийском языке, ИАН СССР, ООН, № 10, стр. 799—806.

Восстание «маленьких» и рабов в Египте, «Известия ЦИО СССР», № 102 (1 мая).

Рец.: Н. М. Никольский, История, М., Учпедгиз, 200 стр., ПИДО, № 3—4 стр. 111—113.

Ученый-революционер Н. Я. Марр, там же, № 3—4, стр. 237—239.

Ученый-революционер Н. Я. Марр, «Литературный Ленинград», № 64 (26 декабря).
Еще раз о рабовладельческой латифундии Сумира III дин. Ура (ответ на статью Н. В. Никольского), ПИДО, № 7—8, стр. 211—222.

Древний Восток (глава в книге С. И. Ковалева, История древнего мира и средних веков, Л., изд. Воен.-пол. акад., стр. 1—32, лтгр.).

Советская наука о древнем Востоке в период 1917—1932 гг., ИГАИМК, № 9—10, стр. 27—29.

1935 год. Лекции по истории древнего Востока, ЛГУ, Истфак, стр. 146 (лтгр.).

Лекции по истории древнего Востока, вып. 4—5, ЛГУ, истфак, стр. 126—240, на пр. рук. (стклгр.).

Хетты, БСЭ, LIX, стб. 513—515 (совм. с Н. А. Куном).

К семантике «жалованья», ЯМ, III—IV, стр. 101—110.

Списки Манефона царей позднего Египта, там же, V, стр. 345—351.

Речение Ипувера. Лейденский папирус № 344, М.—Л., Соцэкгиз, 39 стр.

Предисловие и дополнения к «Истории древнего Востока» акад. Б. А. Тураева (совм. с И. Л. Снегиревым), Соцэкгиз.

Социальная семантика египетской глагольной формы *sdm. f.* «Академику Н. Я. Марру», М.—Л., АН СССР, стр. 345—351.

1936 год. История древнего мира. I — «Восток», изд. ГАИМК, М., 444 стр.

Лекции по истории древнего Востока, ЛГУ, истфак, вып. 1, 1—55 стр.; вып. 2, стр. 56—92.

Филистимляне, БСЭ, LVII, стб. 381.

Финикия, БСЭ, LVII, стб. 547—549.

Маяк мировой революции, ВАН СССР, № 10, стр. 8—9 (академики о Сталинской Конституции).

Энгельс и история техники древнего Востока, «Ист. техники», вып. 5 (к сорокалетию со дня смерти Ф. Энгельса), ОНТИ, НКТП СССР, стр. 75—107 (совм. с Н. Д. Флитнером).

Ред.: «Хрестоматия по древней истории», т. I, М., Учпедгиз, 236 стр.

1937 год. Хронология Манефона и период Сотиса. Сб. «Вспомогательные исторические дисциплины», М.—Л., АН СССР, стр. 19—66.

Итоги работ по истории древнего Востока в СССР за 20 лет, ИАН СССР, ООН, № 5, стр. 1125—1132.

Институт востоковедения ВАН СССР, № 10—11, стр. 266—279 (совм. с Х. И. Муратовым и В. И. Кальяновым).

Параграф 34 и 36 Хеттского судебника, ВДИ, № 1, стр. 33—38.

Предисловие к кн. Волкова Н. Н. «Скопчество и стерилизация». М.—Л., АН СССР, стр. 3—4.

Великий гуманист. Речь на пленуме ССП СССР, посвященном 750-летию поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» в Тбилиси. ИАН СССР, ООН, дек. № 3, стр. 9—10.

1938 год. Изучение истории древнего Востока в СССР за период 1917—1937 гг., ВДИ, № 1, стр. 13—22.

Подлинная причина разрушения иудейского храма на Элефантине в 410 г. до н. э., ВДИ, № 4, стр. 99—119.

Урарту — древнейшее государство на территории СССР (стенограмма лекции), Л., 18 стр., на пр. рук.

Урарту — древнейшее государство на территории СССР. УЗ ЛГУ, № 19, сер. ист. наук, стр. 134—145.

1939 год. Аренды податей в государстве Ахеменидов, «Международный конгресс по вранскому искусству и археологии, Доклады», III, М.—Л., АН СССР, стр. 245—248.

Советская этнография и ее перспективы, «Советская этнография», сб. статей под ред. В. В. Струве, М.—Л., АН СССР, стр. 3—10.

1940 год. Марксово определение раннеклассовых обществ, Сб. «Советская этнография», III, М.—Л., АН СССР, стр. 5—22.

1941 год. История древнего Востока, изд. 2-е, Л., Госполитиздат, 482 стр.

Подлинный манефоновский список царей Египта и хронология Нового царства, УЗ ЛГУ, вып. 78, стр. 65—77.

Фашистский антисемитизм — пережиток каннибализма, М.—Л., АН СССР, 16 стр.

Что кроется под фашистским антисемитизмом, «Спутник агитатора», № 24, стр. 24—27.

1942 год. Фашистский антисемитизм, М.—Л., АН СССР, 22 стр.

1944 год. Надпись Ксеркса о «дэвах» и религия персов, ИАН СССР, Сер. ист. и фил., № 3, стр. 128—140.

Рец.: Б. Б. Пиотровский. История и культура Урарту, ИАН Арм. ССР, Общ. науки, № 3—4, стр. 125—140.

1945 год. Родина зороастризма, «Материалы по истории таджиков и Таджикистана» сб. I, стр. 3—55.

1946 год. Поход Дария I на саков-массагетов, ИАН СССР, Сер. ист. и фил., № 3, стр. 231—250.

Рец.: Б. Б. Пиотровский, История и культура Урарту, ВДИ, № 1, стр. 131—141.

Подлинный манефоновский список хронологии Нового царства, ВДИ, № 4, стр. 9—25.

«Гуманность» законов хеттов (индоевропейцев) и «жестокость» законов семитических народов, «Научная сессия ЛГУ».

Член-корреспондент Академии Наук СССР П. В. Ернштедт, ВЛГУ, № 5—6, стр. 212.

Член-корреспондент Академии Наук СССР Н. В. Пигулевская, там же, стр. 218—219.

1947 год. Рец.: Н. В. Пигулевская, Византия и Иран на рубеже VI и VII в., АН СССР, «Сов. кн.», № 4, стр. 50—51.

Общественный строй южного Междуречья в эпоху III династии Ура, Юбилейный сборник, посвященный тридцатилетию Великой Октябрьской социалистической революции, М.—Л., АН СССР, стр. 720—742.

История древнего Востока за 30 лет. ВАН СССР, № 11, стр. 113—114.

Дешифровка протоиндийских писем, ВАН СССР, № 8, стр. 51—58.

Датировка I вавилонской династии, ВДИ, № 1, стр. 9—35.

Арийская проблема, СЭ, тт. VI—VII, стр. 117—124.

Проблемы истории древнего Востока в современной историографии, ВДИ, № 3, стр. 17—41.

Советское востоковедение и проблема общественного строя Древнего Востока, ВЛГУ, № 11, стр. 233—242.

О «гуманности» хеттских законов, ВДИ, № 4, стр. 11—20.

1948 год. Творческий путь Ф. Шампольона, ВДИ, № 1, стр. 139—150.

Наемный труд и сельская община в Южном Междуречье конца III тысячелетия до н. э., ВДИ, № 2, стр. 13—34.

Б. А. Тураев, крупнейший историк древнего Востока, ВДИ, № 2, стр. 75—83.